

ПАСТУХОВ АЛЕКСЕЙ МИХАЙЛОВИЧ

ПЕРВЫЙ ДОКУМЕНТАЛЬНО ЗАФИКСИРОВАННЫЙ КОНТАКТ МЕЖДУ РУССКИМИ И КОРЕЙЦАМИ — СРАЖЕНИЕ НА СУНГАРИ 6 (16) ИЮНЯ 1654 ГОДА

В статье рассматривается вопрос проникновения русских первопроходцев в бассейн Амура в середине XVII века в свете военных действий, спровоцированных действиями Е. П. Хабарова в отношении местного населения, незадолго до этого вынужденного принять вассальную зависимость от маньчжурской империи Цин. На основании впервые вводимого в научный оборот документа освещается первый достоверный контакт между русскими и корейцами, произошедший в ходе сражения на реке Сунгари 6 (16) июня 1654 года, а также оцениваются его последствия для развития ситуации на Дальнем Востоке.

Ключевые слова: Амур, землепроходцы, Онуфрий Степанов Кузнец, корейцы, Пён Гып, маньчжуры, Шархуда.

Keywords: Amur, path-breakers, Onufrij Stepanov Kuznecz, Koreans, Byung Geup, Manchu people, Sharhuda.

Исследование проведено в рамках реализации государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации в сфере научной деятельности (проект № FSUS-2020-0021).

Присоединение Сибири и Дальнего Востока к России — крайне важный и не до конца осмысленный процесс в истории нашей страны. Точка зрения отечественных историографов на эти события неоднократно менялась. Так, если дореволюционная историография, в целом положительно относясь к включению Приамурья в состав России, не считала действия Е. П. Хабарова разумными, оправданными и несущими пользу русскому государству, то после Великой Октябрьской социалистической революции началось переосмысление действий Хабарова со всё более усиливающейся с течением времени тенденцией к преувеличению значимости его похода и одновременно затушёвыванием его негативных последствий, исключением из описаний всего, что говорило о кровопролитных Амурских войнах (1650–1660 гг.), которые пришлось вести против местного населения и пришедших ему на помощь цинских и корейских войск русским землепроходцам сначала под руководством Хабарова, а затем — Онуфрия Степанова Кузнецца по причине действий Хабарова в 1649–1650 годы¹.

Русские служилые люди Восточной Сибири, середина XVII века. Реконструкция Л. А. Боброва.

¹ Явлению замалчивания военной составляющей походов русских землепроходцев посвящена специальная статья В. А. Тураева (1938–2020 гг.) «О характере купюр в публикациях документов русских землепроходцев XVII в.» [5].

В последних по времени образцах советской историографии по данному вопросу некоторые авторы шли не только на прямой подлог, урезая цитаты из документов или обрывая рассказ о тех или иных событиях на выгодном для создания положительной и эффектной картины моменте, но и на совершенно неоправданное теоретизирование, призванное убедить читателя в том, что никаких военных столкновений, за исключением тех, что происходили по вине маньчжуров, не было, а сопротивление русским землепроходцам, вызванное жестоким, грубым и бесцеремонным обращением некоторых предводителей казачьих отрядов с местным населением, было не в интересах этого самого населения.

Так, Ф. Г. Сафронов писал следующее: «Нужно помнить, — подчеркивал советский историк А. М. Сахаров, — что русский крестьянин, посадский человек, казак (в массе своей) никогда не был врагом нерусского человека на вновь присоединяемой земле <...> Поэтому выступления против русских вообще, которые инспирировались местной знатью, никак не могут быть отнесены к числу исторически прогрессивных, справедливых движений, даже если в них участвовали широкие массы и если в этом выступлении стихийно проявлялся их протест против гнета и эксплуатации <...> Выступления против России не только не приближали освобождения нерусских народов от гнета и эксплуатации, но, наоборот, отдаляли это освобождение, потому что результатом их могло стать только утверждение глубоко отсталых форм общественной организации».

Это высказывание справедливо и по отношению к части даурских и дючерских «князцов», действия которых серьезно ослабили способность амурских племен к отражению маньчжурских набегов» [4, с. 53–54].

Однако находившиеся с конца 1630-х годов в вассальной зависимости от маньчжурской империи Цин (1636–1912 гг.) даурские и дючерские племена верхнего и среднего течения Амура были готовы принять русское подданство при первом появлении отряда Хабарова во владениях князя Лавкая при условии, чтобы казаки защищали их земли от маньчжур и не допускали грубости и жестокости по отношению к местному населению, но необдуманные и часто выходящие за рамки понимания современного исследователя действия Хабарова оттолкнули местное население от русских.

В результате последовавших за этим военных действий сложилась весьма редкая ситуация для всего процесса освоения русскими огромных просторов Сибири и Дальнего Востока — отряд Хабарова оказался в изоляции и был вынужден рассчитывать исключительно на свои силы, не имея союзников среди местных племён.

В то же время практически везде успех русского проникновения на новые земли и закрепления их за русским государством был обусловлен сотрудничеством между земле-

проходцами и влиятельными представителями местных племён. Так, в Якутии русские землепроходцы сумели опереться на борогонских тойонов, на Чукотке союзниками русских стали коряки, отдельные группы тунгусских племён содействовали русским в самых разных ситуациях, что в сочетании с разумной государственной политикой в отношении вновь присоединяемых земель позволяло достаточно быстро и без большого кровопролития закрепить за Россией вновь открытые земли.

Фактически во всей Сибири и на Дальнем Востоке оказалось только три очага сопротивления, совладать с которыми русские землепроходцы оказались не в силах:

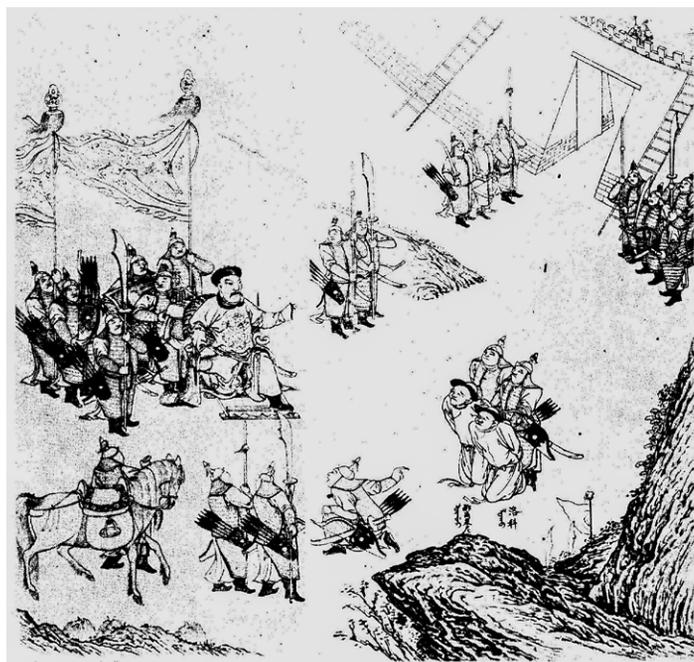
– «Хонгорай» (земли енисейских кыргызов), который оставался недоступным для проникновения служилых людей до самого 1702 года, когда кыргызы были переселены в Джунгарию своим сюзереном — джунгарским хунтайджи Цэван Рабданом (правил в 1697–1727 гг.);

– Чукотка, где воинственные оленные чукчи оказали упорное сопротивление не только русским землепроходцам, но и присланным на Чукотку частям регулярной армии. Впоследствии «Уставом об управлении инородцев Сибири» от 1822 года чукчи были признаны «инородцами, несовершенно зависящими от правительства», которые «платят дань по собственному их произволу, как в количестве, так и в качестве» и «управляются и судятся по своим обычаям и обрядам»;

– третьим очагом оказалась территория Приамурья — местное население (дауры и дючеры) предпочло по большей части добровольно переселиться в «земли Нингуты» или «Наунские села»², под защиту своих недавних врагов маньчжуров, нежели пытаться искать общий язык с вероломным Хабаровым и его преемником Онуфрием Степановым Кузнецом³, вынужденным продолжать политику своего предшественника, «потому что земля вся сколыбалась, драки стоят частые» [3, с. 195].

Однако в течение длительного времени военное счастье оставалось на стороне казаков — организованный и сплочённый, хорошо вооружённый отряд, к тому же в большинстве случаев и в численном отношении не уступавший противнику, оказался не по зубам ополчениям дауров и дючеров, имевших на вооружении исключительно холодное и метательное оружие: луки, копья, пальмы, сабли, топоры, и некоторое количество защитного вооружения — куяков.

Первое же вмешательство в конфликт маньчжуров, являвшихся сюзеренами дауров и дючеров, завершилось разгромом высланного из Нингуты отряда у стен Ачанского городка 24 марта 1652 года [3, с. 135–136]. Поражение, хотя

[Император] Тайцзу прощает [своих врагов] Эргони и Локэ. Иллюстрация из ксилографического издания «Маньчжоу шилу» («Хроники маньчжуров»), 1630-е годы.

и поколебало авторитет маньчжурского оружия, не стало причиной для перехода местного населения на сторону русских, наоборот, сопротивление даже усилилось.

Во многом это было связано с прибытием в Нингуту в 1652 году нового наместника — известного цинского военачальника Шархуды (1599–1659 гг.), бывшего уроженцем сунгарийского селения Нельба, «объясаченного» землепроходцами⁴.

21 августа 1652 года на фоне развивавшегося на Амуре военного конфликта от имени императора Шуньчжи⁵ был издан указ о назначении Шархуды: «Велено мэйрэн-джангину⁶ Шархуде, дзала-джангинам⁷ Хайта и Нигали повести правительственные войска и встать гарнизоном в Нингуте» [6, цз. 66, л. 13а].

² Соответственно район современных китайских городов Ниньяня и Цицикара.

³ В отечественной литературе его часто неправильно именуют Онуфрием Степановым, но Степанов [сын] — это его отчество, а прозвище, заменявшее фамилию, — Кузнец.

⁴ При этом не был принят во внимание статус этого поселения, представитель верхушки которого занимал высокое положение при дворе «богдойского царя».

⁵ Личное имя Фулинь (1638–1661 гг.). Правил под девизом Шуньчжи (順治, 1644–1661 гг.). Как все последующие цинские императоры, упоминается в синологической литературе преимущественно по девизу правления.

⁶ До замены маньчжурских званий китайскими мэйрэн-джангин (梅勒章京) соответствовал званию помощника командующего знаменным корпусом Восьмизнаменных войск — основной военно-административной единицы маньчжуров. Впоследствии это звание было заменено его китайским эквивалентом фу дутун (副都統), соответствовало чиновному рангу 2а.

⁷ Дзала-джангин (甲喇章京) — звание в маньчжурских Восьмизнаменных войсках, примерно соответствующее европейскому званию полковника. В цинской системе чинов и рангов соответствовало чину цаньцзян (參將) китайских войск зелёного знамени, имевшему чиновный ранг За.

Вскоре наместник прибыл в Нингуту вместе с испытанными в боях помощниками, энергично взявшись за преобразование края в военно-политическом отношении.

Таким образом, не сумев привлечь на свою сторону местное население, землепроходцы встретили на своём пути, несомненно, талантливую и волевого противника, имевшего к ним личные счёты.

Шархуда был опытным воином: он участвовал не только в многочисленных набегах на мелкие чжурчжэньские племена в те годы, когда второй маньчжурский хан Хуантайцзи (1599–1643 гг.) проводил политику угона местных жителей с Амура на подконтрольные маньчжурам территории для увеличения численности своих войск и работников, но и принимал участие в походах в Корею, на монголов чахарского Лигдан-хана (1600–1634 гг.), бывшего сильнейшим из монгольских феодалов и претендовавшего на титул «Чингис-хан», а также воевал в застенном Китае⁸.

Проанализировав ситуацию, он быстро понял, что для успешного противоборства с русскими надо иметь не только численное превосходство, но и обладать хорошим речным флотом, а также уравнивать вооружение своих войск с вооружением казаков, у которых, помимо кремневых ружей, были также и пушки, способные вести огонь ядром на расстояние около одной версты.

Однако ресурсы Нингуты были ограничены. После того как в 1644 году первые цинские отряды вошли в Пекин и туда был перемещён малолетний император Фулинь (1638–1661 гг.), коренные земли маньчжурского домена обезлюдели. Основная часть маньчжурских воинов со своими семьями, слугами и рабами была переселена в застенный Китай. Положение усугубляло ещё и то, что как раз на первую половину 1650-х годов приходится активный всплеск антицинской борьбы на землях застенного Китая.

В сложившейся обстановке Шархуде приходилось опираться преимущественно на местные ресурсы. Он активно привлекал к участию в походах ополченцев из местных племён и даже обучал их стрельбе из огнестрельного оружия, но эти экстраординарные меры не могли радикально поправить положение в обозримом будущем [2, с. 291]. В этих условиях важное значение приобретала позиция Кореи, с февраля 1637 года являвшейся вассалом империи Цин.

Цины уже имели опыт использования корейских войск в своих внешне- и внутривосточных акциях: с 1637 по 1643 год корейские войска неоднократно принимали участие в

*Встреча корейского монарха с цинским послом.
Фрагмент корейской картины XVIII века.*

походах маньчжуров против китайских войск, сражавшихся против маньчжуров в Ляодуне⁹, а в 1639 году корейский отряд подавил восстание чжурчжэньского племени восточных хурха против власти Цинов.

Помощь хорошо оснащённых огнестрельным оружием корейских войск становилась важным фактором успехов Шархуды. К помощи Кореи было решено прибегнуть и на этот раз.

20 марта 1654 года в Корею прибыл старший тунгуань Хань Цзююань¹⁰, доставивший послание Ведомства Обрядов¹¹, требовавшее от Кореи присылки вспомогательных войск для борьбы с войсками неизвестного ранее народа, названного во всеобъемлющей корейской хронике «Чосон ванджо силлок» *насон*.

⁸ Застенный Китай — традиционное в отечественной востоковедческой литературе название для собственно китайских земель, расположенных к югу от Великой Китайской стены.

⁹ Обширная территория к востоку от р. Ляохэ, включающая земли современной провинции Ляонин.

¹⁰ Хань Цзююань был цинским старшим переводчиком, регулярно со времён государя Инджо (1623–1649 гг.) исполнявшим дипломатические поручения между Кореей и Маньчжурией.

¹¹ Рутинная дипломатическая переписка между Кореей и империей Цин происходила через цинское Ведомство Обрядов, а в качестве гонцов и посланников часто выступали цинские тунгуани (переводчики).

До 1654 года никаких сведений об этом народе в корейских документах не встречалось. Корейский монарх, получив требование сюзерена оказать помощь против нового врага, даже был вынужден недоумённо спросить цинского посланца о том, кто же такие эти неведомые *насон*?

Запись в «Чосон ванджо силлок» от 20 марта 1654 года гласит:

«[День под циклическими знаками] кехэ. Цинский посланник Хань Цзюйюань прибыл в столицу. Государь принял его в жилом дворце. Также пришли и сановники. [Хань] Цзюйюань подал послание от Ведомства Обрядов, в котором говорилось:

“Корею [повелевается] отобрать 100 хороших стрелков из ружей из Хверёна, подчинить руководству *амбань-джангина*¹² и выступить в карательный поход на *насон*. К 10-му дню 3-го месяца (26 апреля 1654 г.) [корейскому отряду] прибыть в Нингуту”.

[Хань] Цзюйюань встал с циновки и сделал поклон, государь в знак благодарности поднес [ему] чай. Государь спросил: “Что за страна *Насон*?”

[Хань] Цзюйюань отвечал:

“Возле Нингуты есть особое племя — это и есть *Насон*”.

[Хань] Цзюйюань попросил [дать] послание [цинскому императору] в ответ. *Ёньыйджон*¹³ Чон Тхэхва [1602–1673 гг.] молвил:

“Кого же послать военачальником?”

[Хань] Цзюйюань отвечал:

“[Кого-нибудь] из пограничных военачальников или управителей северных провинций — так будет удобнее”.

[Хань] Цзюйюань покинул [аудиенцию], и [Чон] Тхэхва молвил:

“После того, как наши войска перейдут

Кисан (Ким Джунгын), жанровая зарисовка «Корейские офицеры». XIX век.

12 Высшая военная должность у маньчжур, обычно переводимая как генерал по отношению к военным чинам и генерал-губернатор по отношению к гражданским чинам.

13 Должность в корейском феодальном кабинете министров, условно соответствующая премьер-министру.

реку, если они [Цины] не будут снабжать нас, обязательно возникнут опасения, что будет нехватка продовольствия. Если, рассчитав их путь, выделят и пошлют рис в достаточном количестве — это будет правильно”.

Государь изрек:

“Воистину!”

[Чон] Тхэхва

молвил: “Северный уху¹⁴ Пён Гып способен возглавить войска”» [7, *квон* 12, л. 7а].

Так состоялось заочное знакомство корейцев с Россией и русскими. По цинским данным, русские являлись ещё одной разновидностью соседствующих с Нингутой монгольских племён — жестокой, дикой и беспощадной, но принципиально не отличавшейся от известных в Корею с самой плохой стороны монголов¹⁵. Соответственно, через призму заданного Цинами видения корейцы рассматривали и русских, не делая никаких самостоятельных попыток узнать что-либо об их стране.

Получив приказ из Пекина, корейцы тут же начали подготовку к походу. Обсуждение его деталей было проведено с чиновниками Пибёна¹⁶ в тот же самый день, что и аудиенция с Хань Цзюйюанем. Во главе отряда был поставлен *пёнма* уху Пён Гып, служивший в 1654 году в северной провинции Хамгён. Согласно документам Пибёна, в отряд Пён Гыпа входило 152 человека из разных приграничных гарнизонов и не менее 20 коней¹⁷:

14 Военная должность 3 ранга в феодальной Корею.

15 Последний раз корейцы противостояли монголам в ходе вторжения цинских войск зимой 1636/1637 гг. — значительную часть войска маньчжурского богдохана Хуантайцзи (1599–1643 гг.) составляли монголы.

16 В отечественной историографии название этого ведомства обычно переводят как «Ведомство окраинных/пограничных земель». Буквальный перевод — «Ведомство подготовки рубежей». В сферу ответственности Пибёна входило освоение приграничных земель и обеспечение их обороны.

17 Подсчёт точного количества коней невозможен, так как непонятно, исходя из каких норм обеспечивались конями члены офицерской свиты, а также следует ли применять норму 1 конь на 7 человек для кашеваров? Также неизвестно, имелись ли верховые кони у самих офицеров.

- командир отряда, два вьючных коня;
- сотник, один вьючный конь;
- 22 человека свиты командира отряда, включая переводчика;
- 8 человек свиты сотника;
- 100 стрелков, по одному вьючному коню на 7 человек;
- 20 кашеваров.

Как следует из этих же документов, продовольствие для отряда было выделено только до Нингуты, далее стрелки становились на цинское довольствие. Приготовления к походу делались очень быстро — в течение примерно месяца (с 20 марта по 17 апреля 1654 г.) сводный отряд был готов к отправке. В апреле 1654 года корейские войска выступили в поход¹⁸.

Тем временем отряд Онуфрия Степанова Кузнеца стал испытывать затруднения со снабжением, так как берега Амура были сильно опустошены в ходе предыдущих рейдов, и собрать нужное количество провианта было легче на притоках Амура, куда казаки ранее почти не заходили и откуда местное население ещё не бежало.

Основные силы казаков начали подъём вверх по Сунгари 20 мая 1654 года. В течение 17 дней отряд Кузнеца медленно шёл против течения, задерживаясь в прибрежных селениях, с которых собирал ясак. В этом и состояла стратегия *амбань-чжангиня* Нингуты Шархуды — заставить казаков двигаться исключительно в том направлении, где их заранее ожидали бы превосходящие силы цинских войск.

В районе современного Гирина корейский отряд соединился с цинскими войсками Шархуды. Далее союзники, имевшие 800 воинов (против примерно 400 казаков), направились вниз по Сунгари, навстречу противнику. Цинские воины, набранные из состава местных племён, плыли в лодках-оморочках (маньчж. *вэйху*), часть воинов шла по берегу.

Согласно сведениям, сообщаемым Кузнецом, бой начался 6 июня 1654 года [3, с. 193]. О продолжительности его мы узнаём из челобитной Я. Никитина и казаков присоединившегося весной 1654 года к Кузнецу отряда М. Кашинца: «И с богдойскими людьми дрались мы, холопи твои, по 3 дни» [3, с. 197]. Казаки, начав бой на воде, быстро добились перевеса. Казачья речная флотилия, насчитывавшая 13 дощаников и 16 малых стругов, существенно превосходила маньчжурские лодки в боевом отношении.

Вынудив противника высадиться на берег, казаки начали совещаться о дальнейших действиях. В результате бурного обсуждения предполагаемого плана действий возобладала

Празднование гилияками вскрытия Амура. Иллюстрация из книги Л. Шренка «Об инородцах Амурского края», том 2, 1899 год.

Мангуны на Амуре. «Всемирная иллюстрация», № 50, 1881 год.

вольница — рядовые казаки отказались повиноваться своим есаулам и решили продолжить бой на суше [3, с. 196]¹⁹.

Однако пока они спорили о том, что делать дальше, маньчжуры вырыли рвы и укрепились. Попытки казаков выбить их из укреплений оказались безуспешными. В ходе боя казаки быстро израсходовали значительную часть своего пороха, атака захлебнулась [3, с. 193–194].

В этот момент корейский отряд Пён Гыпа, заранее занявший позицию на прибрежном утёсе, обстрелял казаков с короткой дистанции, заставив их отступить на корабли. Маньчжуры привели свой отряд в порядок и начали преследование.

Лишь выйдя в Амур, казаки смогли оторваться от противника и затеряться среди речных островов. Набег казаков был отражён, потери союзников оказались минимальны, в корейском отряде не было ни убитых, ни раненых. В июле 1654 года Пён Гып с отрядом вернулся в Корею.

Хотя потери казаков в ходе сражения на Сунгари вряд ли можно считать большими, положение сложилось для них действительно угрожающее: «А хлеба нам в Шингале взять не дали» [3, с. 194].

В довершение всех бед казаки узнали, что после сражения на Сунгари маньчжуры «крепь ставят и в Шингал-реку нас для хлеба пускать не хотят» [3, с. 195]. Онуфрий Степанов

¹⁸ Согласно приказанию цинского императора, корейский отряд должен был прибыть в Нингуту в 10-й день 3-го лунного месяца 1654 г., что соответствует 27.04.1654. В пути отряд должен был находиться 10 дней. Учитывая, что отряд выступил в 3-м лунном месяце, по расчёту получаем дату выступления 17.04.1654.

¹⁹ По всей видимости, назначенные в 1653 г. Д. Зиновьевым есаулами Т. Никитин и С. Захаров пытались удержать казаков от атаки маньчжурских позиций на берегу, что не устроило казаков.

Кузнец был вынужден подняться вверх по Амуру до устья реки Кумары. Там в ноябре 1654 года казаки построили Кумарский острог — мощное деревоземляное укрепление, и остановились на зимовку²⁰.

Обращает на себя внимание тот факт, что в своих отписках Кузнец называет всех своих противников «богдойскими людьми», не выделяя конкретных национальностей, хотя в составе отрядов Шархуды были и маньчжуры, и монголы, и китайцы, а также большое количество воинов из местного населения. Корейские солдаты не были выделены из общей массы противника в русских документах ни своим видом, ни какими-то особенными боевыми навыками. Скорее всего, в ходе боя стрелявшие с вершины прибрежного утёса корейцы не были замечены казаками.

На следующий, 1655, год государь Хёджон инспектировал войска своей лейб-гвардии *Кымвиён*. Участвовавший в смотре Пён Гып был отмечен за умелое командование войсками [7, квон 14, л. 17b]. Ещё через месяц его вызвали ко двору, и Хёджон имел с ним обстоятельную беседу относительно перипетий похода на Сунгари.

Поскольку важность этого доклада для дальнейшего изучения вопроса ранних русско-корейских контактов несомненна, целесообразно привести его здесь полностью без всяких купюр²¹:

«Государь, днем обсуждал [главу] «Шицзючжан» из «Шичжуань»²², а закончив обсуждение, беседовал [с сановниками].

Военный сановник Пён Гып прибыл [на аудиенцию] и рассказал: «[Ваш] подданный, летом прошлого года получив приказ, выступил в поход на Нингуту. От Хверёна шли на север 8 дней и достигли Нингуты.

Пройдя 100 *ли*²³, дошли до реки Хурха, где сели на лодки (皮艇)²⁴. Пройдя 100 *ли*, дошли до места, где река Хурха сливается с рекой Ёнгоган²⁵. Отсюда все корабли с северо-востока прошли 100 *ли*, местность постепенно понижалась. На 5 день дошли до реки Хветхонган²⁶, река очень быстрая, очень страшно передвигаться на лодках. На 6 день достигли границ земель *вальхал*²⁷. Там одна река впадает с запада. Ее ширина превосходит ширину реки Имджинган.

20 Описание хода сражения за острог см.: 3, с. 205–208.

21 На русском языке документ полностью публикуется впервые.

22 Имеется в виду «Книга стихов» (Шицзин), входящая в состав конфуцианского канона, в одной из традиционных редакций с комментариями.

23 1 *ли* = 576 м.

24 Букв. «кожаная лодка». Корейские учёные трактуют это как лодку типа оморокки, сделанную из бересты.

25 Локализация затруднена. Возможно, имеется в виду продолжение реки Хурха-бира после впадения в неё другой реки.

26 Возможно, один из участков течения Сунгари.

27 Возможно, имеется в виду чжурчжэньское племя варка, часто упоминаемое в корейских и цинских источниках. Не исключено, что это название являлось собирательным для чжурчжэньского населения междуречья Сунгари и Усури.

Называется река Уллаган²⁸, она сливается с Хветхонган и называется Хутхонган²⁹.

От Нингуты за 14 дней дошли до края земель *вальхал*. Дорога по суше составила бы более 2 400 *ли*!»

Государь спросил: «Каков город Нингута?»

[Пён Гып] отвечал:

«Деревянная крепость довольно невелика. В крепости и вне ее едва наберется 300 домов³⁰, их начальника зовут Ихамни³¹, слегка разбирается в делах³². Также есть Саргуда³³».

Государь спросил: «Как велики лодки?»

[Пён Гып] отвечал:

«Которые поменьше — едва вмещают 4–5 человек, их было 140, те, которые большие — могут вместить 7–10 человек, таких было 20. Когда я, подданный, прибыл к *вальхал*, начали появляться большие вражеские корабли — 13 штук. Могут поднять 300 *сок*³⁴, маленькие лодки — 16 штук — напоминают японские корабли.

Цинский полководец хотел, чтобы [Ваш] подданный шел в авангарде. [Ваш] подданный сказал:

«Как такие маленькие лодочки могут отразить такие огромные корабли?»

Цинский полководец счел это верным. Следуя приказу, 300 *вальхал* и 300 цинских воинов выбрали место на берегу реки, где берег был самым высоким, и устроили там позицию. Поэтому Лю Бун³⁵ разместился на вершине скалы и приказал нашим солдатам стрелять из укрытий.

Вражеские суда постепенно отступили. У них огромные корпуса, и они не имеют весел. По этой причине они не смогли приблизиться для боя и ушли вниз по течению. Дойдя до места, где Амур сливается с рекой Хутхонган, враги

28 Возможно, это река Нонни-ула.

29 Возможно, это река Сунгари в своём нижнем течении, где она образует дельту при впадении в Амур.

30 Интересно сравнение с описанием Нингуты, оставленным корейским военачальником Син Нью, воевавшим в составе цинского войска на Амуре в 1658 г. По его данным, Нингута насчитывала более 1 000 дворов и люди там жили зажиточно.

31 Нихали китайских источников. В дневнике Син Нью он назван Нигари. Помощник Нингутинского цзянцзюня, продолжал службу и при сыне Шархуды Бахае, заступившем на должность в 1660 г.

32 Скорее всего, столь пренебрежительная оценка способностей маньчжурского военачальника Нихали была дана Пён Гыпом потому, что Нихали не соответствовал конфуцианским стандартам чиновника.

33 Шархуда китайских и Сергудай русских источников. В дневнике Син Нью именуется Харходэ. Крупный военный и административный деятель раннецинского Китая, первый Нингутинский цзяньцзюнь.

34 Традиционная для стран Дальнего Востока мера объёма, равная в Корее 180 л. Мера объёма, записываемая тем же иероглифом, была в те годы и в Японии, и в Китае, но её величина сильно варьировалась.

35 Предположительно, корейский сотник из состава отряда Пён Гыпа.

захотели сразиться, но тут поднялся восточный ветер, они поставили паруса и ушли³⁶.

На вражеских кораблях мужчин и женщин неполные 4 сотни человек, у которых есть только ружья, их внешность как у настоящих варваров, а одежда вся из желтого вышитого шелка³⁷.

В нижнем течении Амура есть одетые в рыбы шкуры варвары³⁸, которые покорились Пекину. От земель *вальхап*, говорят, надо идти 15 дней, их земля очень далеко и [в пути] нельзя увидеть людей.

В верхнем течении Амура есть племя *пхякхал*³⁹. Теперь эти враги приходят посуху и грабят земли *пхякхал*, которые капитулировали [перед ними], и после этого начали делать корабли, на которых приходят [грабить]. Не используют

36 Ср. с описанием этого же боя, оставленным Онуфрием Степановым Кузнецом: «И того ж дни, как встретились с служилыми людьми с Мишкою Кашиным с товарищи, и по совету с войским и с ясаулы, я, Онофрейко, судами пошел вверх в великую реку Шингал мая в 20 день приводить неясчных дючерских мужиков под государеву царскую высокую руку и для ради хлеба. И по Шингалу-реке бежали парусами 3 дни. И июня в 6 день тут нас встретила богдойская большая сила ратная со всяким огненным стройным боем, с пушки и пищали. И с тою богдойскою силою дело поставили. И дрались те богдойские люди конные на конех, а пешие в стругах. И билися те богдойские люди из большево бою, из пушек и пищалей, а били оне из тех пушек по нашим судам, а дрались оне из-за туров и из-за увалов земляных. И я по совету со всем войским отпущал казаков в стругах. И божиею милостию, а государским щастьем тех богдойских ратных людей из стругов на берег выбили. И на берегу те богдойские люди стали в крепком месте, из-за валов учили с нами драться. И на том приступе многих служилых людей на том бою ранили. И нам с теми богдойскими людьми дратца стало невозможно, потому что в государеве казне пороху и свинцу нет, Дмитрий Иванович Зиновьев государевы казны с Тугирскаго волоку не прислал. А преж того богдойскова приходу посыланы служилые люди в поход на дючерских мужиков, и те казаки в том походе поймали языков дючерских. И те языки роспрашиваны, а в роспросе сказали, что де богдойское войско послано от царя богдойскаго наскоре, а послано де их трех земель богдойские и даурские и дючерские люди. И как у нас с теми богдойскими людьми драка была, и у них знамена всякия, белые и черные и красные и желтые, и как которые знамя пройдет, и у них у всяково знамени ротами белое знамя, где стоит на тех людех под тем знаменем на белой камке и куяки биты, а у которых знамен у черных, у красных и у желтых, и у тех ротами ж стоят, каково знамя, такие на них и куяки биты на камке на тех людех, и та вся у них драка ученая строик. И ис пушек мы по тому войску богдойскому били же. А хлеба нам в Шингале взять не дали. И мы выплыли из Шингалу-реки и побежали парусами на судах вверх по великой реке Амуру по совету со всем войским» [3, с. 193–194].

37 Одежду из жёлтого шёлка на казаках отмечает только Пён Гып.

38 Скорее всего, это предки нанайцев. В некоторых случаях говорится, что «старым названием народа хэцзинь было юпи дацзы».

39 Син Нью в своём дневнике за 1658 г. упоминает нижнеамурское племя *пхякка*. Это соответствует *фэйяка* цинских источников — нижнеамурским *гилякам*. Однако Пён Гып, по всей видимости, путает их с *даурами*, помещая *пхякхал* в верхнее течение Амура, в земли, куда русские отряды действительно приходили посуху и которые были сильно разграблены ими к 1654 г.

железных гвоздей — все [сделано] из дерева и связано веревками, [это] не похоже на морские корабли. Я, подданный, думаю, эти враги непременно приходят из какой-то западной страны”.

Государь спросил:

“Эти земли очень далеки от наших западных пределов — что мы можем знать про это?”

[Пён Гып] отвечал:

“*Вальхап* говорят, что между Амуром и Ула (то есть рекой Сунгари. — А. П.) — земли монголов.

Амур очень широк. В его устье есть несколько [мест, где расположены] развалины укрепленных поселений. Земли *эхэ*⁴⁰ к юго-западу от Нингуты, [расположены] недалеко от нашей страны.

Вальхап стригут головы, покрывая лоб, обматывают голову тканью. На одежде только одна пуговица. Когда слышат стрельбу из ружей — мужчины зажимают уши руками и падают на землю, а женщины пугаются и [тоже] валятся на землю”» [7, квоп 14, л. 22а – 22b].

Сражение на Сунгари стало ключевым моментом кампании 1654 года, после неё казакам пришлось перейти к обороне и озаботиться созданием укрепленной базы для продолжения походов. На этом кампания 1654 года была фактически завершена и для объединённого цинско-корейского войска, отошедшего на свои базы, и для отряда Кузнеця.

Деятельность Шархуды и его инициатива по привлечению ресурсов вассала для того, чтобы переломить ситуацию на Амуре, была высоко оценена в Пекине: «[30 день 2 месяца 14 года Шуньчжи (13 апреля 1657 г.)] Наградить обороняющего Нингуту *амбань-джангина* Шархуду одеждой с вышитыми драконами о 4 когтях, собольей шапкой, оседланным конем, саблей, шелком и прочими вещами» [6, цз. 107, л. 25а].

Через четыре года корейские стрелки из приграничных гарнизонов вновь приняли участие в походе против казаков. 30 июня (10 июля) 1658 года в сражении на так называемой Корчевской луке⁴¹ в устье Сунгари объединённые войска корейцев и маньчжуров разгромили отряд Онуфрия Степанова Кузнеця. Сам Кузнец пропал без вести, более 200 казаков погибло, более 10 человек попало в плен.

13 августа 1658 года в Пекине был получен доклад о победе:

«Обороняющий Нингуту *амбань-джангин* Шархуда и прочие подали сообщение, что разбили в бою русские войска. Захватили их людей, доспехи и оружие, а также другие вещи. Велено Военному Ведомству проверить обстоятельства и доложить по порядку. Что касается пленных,

40 Племя *эхэ*, известное из ранней маньчжурской истории. В китайских источниках записывается другими иероглифами.

41 Название местности известно только из одного русского документа тех лет. См.: 3, с. 241.

Фэйяка (предки нивхов). Иллюстрация к живописному изданию «Хуан Цин чжигун ту» («Подношение дани августейшей Цин»), 1760-е годы.

разделить их и даровать отличившимся воинам и полководцам» [6, цз. 119, л. 4b].

Второй цинско-корейский поход 1658 года привёл к радикальному изменению стратегической ситуации — к 1660 году последние казачьи отряды ушли с Амура.

В «Цин ши гао» по этому поводу сказано: «[День под циклическими знаками] динчоу 7-го месяца осени [17-го года Шуньчжи] (29 августа 1660 г.). Цзунгуань Нингуты Бахай⁴² разбил русских в землях «собачников»⁴³, умиротворил 15 поселков фэйяка во составе 120 с лишним дворов» [8].

Таким образом, поход Шархуды 1654 года, в котором приняли участие корейские войска под командованием Пён Гыпа, положил начало стратегическому перелому в русско-цинском противостоянии на Амуре.

В совокупности с общей вовлечённостью Кореи в цинскую политику в качестве военного вассала это обстоятельство сыграло свою роль в формировании среди корейской интеллектуальной элиты негативного, враждебного образа России [1, с. 288–289]. Последствия этого случайного стечения обстоятельств продолжали сказываться на русско-корейских отношениях в течение долгого времени, не способствуя развитию конструктивных и доверительных отношений на Дальнем Востоке.

Список использованных источников

1. Ли, Ги Бэк. История Кореи: новая трактовка / Ли Ги Бэк ; пер. с кор. под ред. С. О. Курбанова. — Москва : Первое марта, 2000. — 463 с.
2. Мазуров, И. В. Очерки истории Российского Дальнего Востока : [учеб. пособие]. Кн. 1 : Русская колонизация Приамурья, Северо-Восточной Сибири и Америки XVI–XVIII вв. / И. В. Мазуров, А. М. Пастухов ; Дальневост. акад. гос. службы. — Хабаровск : ДВАГС, 2009. — 382 с.
3. Русско-китайские отношения в XVII веке : материалы и документы : в 2 т. Т. 1 : 1608–1683. — Москва : Наука, 1969. — 614 с.
4. Сафронов, Ф. Г. Ерофей Хабаров: рассказ о судьбе русского землепроходца / Ф. Г. Сафронов. — Хабаровск : Кн. изд-во, 1984. — 112 с.
5. Тураев, В. А. О характере купюр в публикациях документов русских землепроходцев XVII в. / В. А. Тураев // Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII–XIX вв. : (историко-археологические исследования). Т. 2. — Владивосток, 1995. — С. 154–169.
6. 大清世祖章皇帝實錄 = Хроника [правления императора] Шицзю Чжан-хуанди великой династии Цин. — Б. м., б. г. — Ксилографическое издание, на кит. яз.
7. 孝宗實錄 = Хроника [правления государя] Хэджона, 1649–1659. — Б. м., б. г. — Ксилографическое издание, на кит. яз.
8. 清史稿 = Черновой свод истории [империи] Цин / Чжао Эрсюнь. — URL: <https://zh.wikisource.org/wiki/%E6%B8%85%E5%8F%B2%E7%A8%BF/%E5%8D%B75> (дата обращения: 12.11.2021). — Текст : электронный.

Фотографии предоставлены автором.
Материал поступил в редакцию 12.11.2021.

Сведения об авторе: Пастухов Алексей Михайлович, член Российской ассоциации университетского корееведения (РАУК), научный консультант Фонда «Петропавловск», инженер лаборатории гуманитарных исследований Новосибирского государственного университета, автор более 50 статей по истории военного дела стран Дальнего Востока, соавтор книг на военно-историческую тематику «Золотой блеск эпохи. Крепости и вооружение Азии» (Москва, «Бук-Хаус», 2006 г.), «Очерки истории российского Дальнего Востока XVII–XVIII вв.» (Хабаровск, ДВАГС, 2009 г.), «Побеждённый дракон. Китайский флот в войне против Японии (1894–1895 гг.)» (Москва, «Яуза-Эксмо», 2016 г.), «Конфликт на КВЖД. Война, которую решили забыть» (Москва, «Пятый Рим», 2022 г.), автор китайской части раздела каталога Государственного музея искусства народов Востока (ГМИНВ) «Смертельная красота. Оружие Индии и Китая» (Москва, 2015 г.), (г. Москва).

Контактные данные: e-mail: chinesewarfare@inbox.ru.

⁴² Сын умершего в 1659 г. Шархуды, унаследовавший должность отца.

⁴³ Букв. «цюаньбу ди» (земли собачьего племени). В дневнике Син Нью эти же места называются «кёнпурак» (собачьи племена). Имеются в виду земли нижеамурских племён — предков современных нивхов и нанайцев, ездивших зимой на собаках.